

**По следам штутгартского научного труда
«Между Дерптом, Прессбургом и Веной»,
посвященного Яну Квачале. Историографические
заметки**

**In The Trails Of Stuttgart Scientific Work
"Between Derpt, Pressburg And Vienna",
Dedicated To Yan Kvachal. Historiographical Notes**

Фирсов Е.Ф.

Канд. ист. наук, доцент, Московский государственный университет
e-mail: olevfir@umail.ru

Firsov E.F.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Moscow State University
e-mail: olevfir@umail.ru

Аннотация

Статья представляет собой рецензию на книгу: Zwischen Dorpat, Pressburg und Wien. Ján Kvačala und die Anfänge der Jablonski – Forschung in Ostmitteleuropa um 1900. Herausgegeben von Joachim Bahlcke und Karl W. Schwarz. 2018. Harrassowitz Verlag. Wiesbaden. 398 p.

Ключевые слова: Ян Квачала, Дерптский университет, Воронежский университет.

Abstract

The article is a book review: Zwischen Dorpat, Pressburg und Wien. Ján Kvačala und die Anfänge der Jablonski – Forschung in Ostmitteleuropa um 1900. Herausgegeben von Joachim Bahlcke und Karl W. Schwarz. 2018 Harrassowitz Verlag. Wiesbaden. 398 p.

Keywords: Jan Kvachala, Derpt University, Voronezh University

Прежде всего, выражаю благодарность историку, профессору Иоахиму Бальке, зав. кафедрой истории раннего нового времени Штутгартского университета, за присланный экземпляр научного труда, посвященного Яну Квачале (1862-1934), замечательному российскому и словацкому ученому-теологу и философу, ставшему после эвакуации из Дерпта-Юрьева с 1918 по 1920 г. ненадолго воронежцем. По независящим от меня причинам труд прибыл с запозданием (получен лишь в апреле 2020 г.) и сразу по горячим следам рецензия не могла появиться. В то же время посвященное Квачале научное исследование не может остаться незамеченным российским историческим сообществом. Отрадно видеть, что как крупный исследователь с мировым именем Ян Квачала вызывает интерес не только в России, Чехии и Словакии, но и в европейских немецкоязычных странах – Австрии и Германии.

Для тех, кто имеет отдаленное представление о Квачале, напомним, что именно он способствовал развитию в России и за рубежом такой отрасли науки как комениология, которая занимается изучением жизни и творчества Яна Амоса Коменского. Его научные труды издавались на многих европейских языках в различных российских и зарубежных журналах. Его вклад в науку как теолога и философа был весьма значительным. Им опубликованы многие новые исторические источники, особенно в сфере комениологии. На их основе современные исследователи могут развивать поднятые в свое время научные проблемы по комениологии, гусизму, реформации и по большому счету по педагогике.

За 25 лет, проведенных Яном Квачалой в России в Юрьевском (Дерптском) университете в качестве профессора, он во многом интегрировался в российскую научную элиту и стал её неотъемлемой составной частью. И об этом не следует забывать европейским исследователям в настоящее время.

Стоит сказать, что европейская историография до недавнего времени очевидно оставалась в долгу перед Яном Квачалой. После выхода в свет в 2005 г. посвященного ему сборника под редакцией Киша [1] до сих пор так и не появилось с учетом расширенной источниковой базы специального монографического исследования о нём. По инерции он представляется европейскими исследователями чуть ли не обрусевшим в России учёным, оторванным от внутренней жизни Словацких земель того времени. Отрадным явлением последнего десятилетия развития словацкой историографии является публикация ценной переписки Квачалы со словацким деятелем Йозефом Шкултети (Jozef Škultéty), моравским комениологом Йозефом Крумпфольцем (Josef Krumpholz), историками – представителями школы Голла [2, 3, 4]. Из доступных архивных материалов, а также из опубликованной Л. Бернатом переписки Квачалы становится очевидно, что он был связан не только с Чешскими землями, где вел научные проекты по Коменскому, но также активно сотрудничал со Словацкими землями и был составной частью словацкого национального движения того времени. Он всегда находился в тесной связи со своей исторической родиной, особенно с регионом Ружомберка. Квачала, за что ему честь и хвала, принимал активное участие в деятельности Словацкого музейного общества и являлся его меценатом. При поддержке Шкултети Квачала внес существенный вклад в общественно-политическую, научную и конфессиональную жизнь словацких земель рубежа XIX-XX вв. и заметно её оживил.

Признаюсь, что пристальное внимание к научному труду штутгартских коллег объяснимо тем, что после моих важных архивных открытий о Квачале на немецком и русском языках (в Пушкинском Доме в Санкт-Петербурге и в личном фонде Квачалы в университете Коменского в Братиславе) мой собственный научный интерес к этой фигуре ученого и педагога тем временем не ослабевал [5, 6. 7].

Что касается представленного немецкого труда, то вызывает некоторое удивление само его название. Условно, конечно, можно ограничиться в географическом отношении тремя названными городами, однако встаёт вопрос – почему остались в стороне такие важные научные центры как хотя бы Санкт-Петербург, Прага и другие европейские города, с которыми были связаны многие научные открытия Квачалы в ходе его непрерывных разъездов и командировок. За пражские издания переписки Коменского со своими сверстниками, как известно, Квачала удостоился в 1903 г. в России престижной премии профессора Котляревского. Однако в данном труде об этом даже не упоминается. В Санкт-Петербурге Квачала существенно оживил деятельность Отдела Коменского Педагогического музея и сделал немало архивных комениологических находок. Перечень подобных европейских научных центров можно было бы продолжать.

Первую часть труда открывают несколько научных статей, посвященных следующей тематике. Непосредственно творческому развитию Квачалы как историка культуры и церкви с особым акцентом на австро-венгерские корни рассматривает статья венского теолога, профессора евангелического факультета Венского университета Карла Шварца (Karl W. Schwarz) «Между Бачки Петровац и Веной». Квачала был выходцем из смешанного словацко-немецкого местечка Петровац (в регионе Бачка). Рассмотрена его дальнейшая учеба в Прессбурге и Лейпциге, его начальные турне в поисках новых источников о Коменском и особенно подробно освещаются его творческие связи с Веной, где Квачала получил степень доктора теологии, а затем переезд в российский Дерпт. Исследование строится в традиционном ключе и учитывает современные достижения словацкой и европейской историографии и вносит новые штрихи о контактах Квачалы с Веной. Завершает работу изложение интересного письма Квачалы своему австрийскому другу Георгу Лёше (Georg Lösche), датированного 1921 г. и содержащего некоторые новые подробности переезда Квачалы из России в Братиславу, на теолого-евангелический факультет университета Коменского.

Автор прав, считая, что Квачалу не следует рассматривать изолированно лишь в узко словацком контексте. Его творческое наследие выходит далеко за рамки этой этнической области. Квачала – ученый европейского покроя, его исследования по праву носят междисциплинарный характер и сближают научные подходы Восточной, Центральной и Западной Европы. Его научное наследие закономерно заслуживает пристального внимания современной культурологии.

Статья Петера Блота (Peter C. Bloth) также посвящена Квачале, она озаглавлена «Наука на краю российской империи. Ян Квачала – профессор исторической теологии в Дерптском университете». Работа заслуживает особой похвалы, поскольку это единственный европейский исследователь (наряду с проф. И. Бальке), привлечший эстонские архивные фонды, будучи в 1997-1998 гг. на определенном этапе приглашенным профессором Тартуского университета.

Немало места в статье уделено уточнению начальной и завершающей дат пребывания Квачалы в Дерптском университете, что расширило её объем. При этом очевидно, что автору исследования были малоизвестны данные современной историографии о том, что Квачала долгое время оставался австро-венгерским подданным и лишь в 1915 г. принял российское подданство, поэтому и был эвакуирован вместе с остальными университетскими коллегами и богословским факультетом в Воронеж. Иначе не возникли бы в связи с этим недоуменные вопросы автора по поводу эвакуации в Воронеж и не потребовали бы излишних рассуждений. Хотя в целом П. Блоту присуща ориентация в российской литературе и в статье присутствует ссылка на труд Д.М. Карпачева об истории основания Воронежского университета, датируемый 2001 г. Однако по неизвестной мне причине, как и большинство европейских исследователей Квачалы, характеристики воронежского периода автор статьи избегает. Хотя этот вопрос заслуживает более подробного рассмотрения [7]. Пребывание в Воронеже стало для Квачалы весьма поучительным и надеюсь вернуться к этой теме в дальнейшем.

Автор отмечает, что уже с первых лет пребывания в российском Дерпте-Юрьеве Квачале было свойственно стремление к выявлению в Европе новых источников, как о великом учителе народов Коменском, так и о другом крупном представителе рода Коменских – внуке Коениуса Даниэле Эрнесте Яблонском (Daniel Ernest Jablonski, 1660-1741), польском протестантском деятеле, бывшем проповедником при прусском дворе (в 1693-1741) и основателем Берлинской Академии наук (с. 38). Итогом проведенных Квачалой разысканий стали труды, посвященные этому славянскому деятелю, славно трудившемуся на ниве немецкой науки и культуры. Уже в мае 1899 г. состоялась первая большая командировка Квачалы с этой целью.

Две статьи первой части труда рассматривают комениологические исследования Квачалы (Uwe Voigt) и влияние Квачалы на развитие комениологии в Германии (Werner Korthaase). Четыре остальные статьи посвящены главной теме научного труда – Квачала и начало исследований о Д.Э. Яблонском в Европе на рубеже XIX-XX вв.

Р. Хармут (Rudolph Harmut) останавливается на издании Квачалой переписки Д.Э. Яблонского с Готфридом В. Лейбницем и её научном значении.

Все работы выполнены на высоком научном уровне. Однако по своей солидной источниковой базе, на мой взгляд, выделяется статья Л. Берната (Libor Bernát) – лучшего словацкого знатока архивного наследия Квачалы. Он удачно рассмотрел восприятие Квачалы современниками и в последующей чехословацкой историографии, а также разработку им темы Яблонского. Солидным и весьма содержательным является также исследование штутгартского профессора Иоахима Бальке (Joachim Bahlke) жизни и деятельности Д.Э. Яблонского: «Исследовательские поездки, изучение источников и международное сотрудничество». И. Бальке вносит много нового в методологическую базу исследования, подробно изучил архивные фонды Германии и Эстонии и обильно на них ссылается, украсив статью ценными документальными иллюстрациями. Наибольший интерес вызывают части работы, касающиеся сотрудничества Квачалы с Академией наук, искусств и литературы Франца Иосифа в Праге 1890 г., а также роли российского дерптского университета в перспективном исследовании миссии Яблонского.

И. Бальке не случайно делает вывод о том, что Квачала может служить примером исследователя своего времени. Квачалу следует расценивать инициатором и

основоположником самостоятельного направления в исследовании о Яблонском, преуспевшим в этой сфере.

С присущей ему большой самооценкой Квачала творил и перемещался одновременно в нескольких пространствах с точки зрения языка и культуры, чему также способствовала несвязанность семейными узами. Причём в финансовом отношении он мог в долгосрочной перспективе рассчитывать на стипендии и поддержку различных фондов. Этому способствовало также членство в различных научных организациях, обществах и академиях, компенсировавших неразвитость научной инфраструктуры государственного уровня. Приобретенный ранее опыт международного сотрудничества пошёл на пользу Квачале в разработке темы о Д.Э. Яблонском. И российский университет в Дерпте создал весьма благоприятные условия для научной деятельности Квачалы, начиная с 1893 г.

С конфессиональной точки зрения вклад Квачалы в исследование «Яблонианы» рассмотрел Мартин Роткегель (Martin Rothkegel) в статье о славянском космополите и проповеднике с позиций лютеранского теолога Яна Квачалы.

Объёмная вторая часть труда содержит опубликованные источники – избранные исследования Квачалы, касающиеся жизни и деятельности Д.Э. Яблонского. Здесь воспроизводится 12 научных статей Квачалы, давно ставших библиографической редкостью. Эти источники будут способствовать более глубокому постижению исследуемой эпохи.

В приложении даётся избранная библиография сочинений Квачалы, именной и географической указатели.

В целом характеризуемый труд выполнен на весьма высоком уровне. К отдельным недочётам, на мой взгляд, можно отнести рассмотрение исследуемой проблематики в отрыве от основного рода занятий Квачалы – преподавания на богословском факультете Дерптского-Юрьевского университета. Целиком опущены также вопросы адаптации Квачалы в российском университете и срастания его с российской интеллектуальной средой, обходятся стороной тесные контакты Квачалы с российской научной элитой.

Труд коллег, изданный в Штутгартском университете, несомненно представляет собой научную ценность. Большинство исследований носит весьма позитивный характер и представляют серьёзный вклад в развитие современной европейской историографии исследуемых проблем, будь то рассмотрение творческой стези Квачалы, его комениологических трудов, или особенно характеристики вновь открытого Квачалой важного оригинального направления в современной исторической мысли – а именно жизни и деятельности Д.Э. Яблонского, доведившегося знаменитому Я.А. Коменскому внуком.

Данная книга выявляет существенный вклад Квачалы в развитие международного сотрудничества, а также углубление европейских научных, культурных и конфессиональных связей. Книга станет без сомнения важным подспорьем в научной деятельности как историков и филологов, так и представителей гуманитарных наук в целом.

Литература

1. Ján Kvačala otec modernej komeniológie. Zborník z medzinárodného sympozia v Bratislave v dňoch 13 a 14. Septembra 2004 na Evanjelickej bohosloveckej fakulte Univerzity Komenského. Ed. I. Kišš. Bratislava: Univerzita Komenského, 2005.
2. Bernát L. a kolektív. Korešpondencia Jána Kvačalu s Jozefom Škultétym. Bratislava: Eko-konzult, 2015. – 206 p.
3. Bernát L. a kolektív. Korešpondencia Jána Kvačalu s Josefom Krumpholcom. Bratislava: Eko-konzult, 2016. – 441 p.
4. Bernát L. Ján Kvačala a Gollova škola vo svetle vzájomnej korešpondencie. Bratislava: 2017. – 281 p.
5. Фирсов Е.Ф. Ученый-комениолог Ян Квачала в России (источники о научной деятельности из Рукописного отдела Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005-2006 гг. СПб., 2009. – С. 223-245.

6. *Фирсов Е.Ф.* Профессор теологии Ян Квачала в свете архивных открытий в России и Словакии // *Liberté et Patrie Mélanges offerts à Jozef M. Rydlo, membre de l'Institut slovaque. Institut slovaque, Rome. Chaire de l'histoire slovaque de la Faculté des Lettres de l'Université Comenius, Bratislava. Post Scriptum, 2020.* – P. 233-246.
7. *Фирсов Е.Ф.* Российский профессор-теолог Ян Квачала и его роль в развитии межславянских научных и культурных связей // *Межславянские культурные связи. Результаты и перспективы исследований.* – М., 2021.